

Сохранить память о тех, кто одолел гитлеризм, не допустить фальсификации истории Великой Отечественной войны, обеления врага и его пособников – эти задачи стоят перед нынешним поколением белорусов для сохранения и процветания национального самосознания.

Список литературы

- 1 **Воробьёва, Л. М.** Фальсификация истории Второй мировой и Великой Отечественной войн: современные процессы и тенденции [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://riss.ru/analytics/1063/>. – Дата доступа 29.03.2019.
- 2 **Лукашенко, А. Г.** Весь мир в неоплатном долгу перед подвигом советского народа / А. Г. Лукашенко // *Беларуская думка*. – 2015. – № 5. – С. 16–19.
- 3 **Зурофф, Э.** Они помогли убивать [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ilgiornale.it/news/mondo/comunisti-e-nazisti-uguali-significare-shoah-1114919/html>. – Дата доступа : 29.03.2019.
- 4 **Еловик, А.** Устои памяти разрушать нельзя / А. Еловик // *Беларуская думка*. – 2015. – № 5. – С. 99–103.
- 5 **Коваленя, А. А.** Беречь правду войны / А. А. Коваленя // *Беларуская думка*. – 2015. – № 5. – С. 30–37.
- 6 **Криштанович, Л.** Победа народа-победителя, народа-праведника / Л. Криштанович, О. Пролесковский // *Беларуская думка*. – 2010. – № 4. – С. 28–36.
- 7 Победа – одна на всех // НИСЭПИ – Независимый институт социально-экономических и политических исследований : интернет-сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.liseps.org/analitica/546/>. – Дата доступа : 20.03.2019.

УДК 94(476) «1939/45»:271.4–9

ГРЕКО-КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ В БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

С. Ф. ВЕРЕМЕЕВ

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

Особенностью религиозной жизни в Западной Беларуси в 20–30-е гг. XX в. стало возрождение Униатской церкви, структуры которой были ликвидированы российскими властями ещё в XIX в. В регионе по состоянию на 1939 г. насчитывалось, по разным оценкам, от 18 до 48 униатских (неоуниатских, греко-католических) приходов, а численность верующих варьировалась в пределах от 7,7 до 30 тыс. человек [1, с. 121]. Если процесс возрождения Униатской церкви в межвоенный период в основном описан в научной литературе, то о её дальнейшей истории в Беларуси известно в гораздо меньшей степени. Советская историография и вовсе утверждала, что греко-католические приходы просуществовали лишь до начала Второй мировой войны [2, с. 17]. В действительности же это не так.

После установления советской власти в Западной Беларуси положение Униатской церкви значительно ухудшилось. Часть духовенства покинула пределы региона, в том числе и по причине преследований со стороны советской администрации, некоторые приходы были ликвидированы или же находились под угрозой ликвидации. Фактически прекратил свою деятельность главный униатский центр Западной Беларуси – монастырь иезуитов в Альбертине (местечко в 4 км от Слонима, ныне его пригород), где остался лишь один священник – Антон Неманцевич [3, с. 208].

Те священники, которые остались со своей паствой, продолжали служение в тяжелейших условиях. Настоятелем униатского прихода с центром в деревне Бобровичи (ныне Ивацевичский район Брестской области) с 1926 г. был редактор первой белорусской еженедельной газеты «Беларус» и автор первой белорусской грамматики (1918 г.) священник Болеслав Почобко. Как пишет в своих мемуарах Л. Горошко, местные коммунисты начали терроризировать его: бросали на солому, намереваясь сжечь живьём, больного выбрасывали из постели [4, с. 140]. В конце 1940 г. Б. Почобко умер и был похоронен на католическом кладбище в деревне Телеханы, иронией судьбы рядом с могилой матери К. К. Рокоссовского [5, с. 12].

В ситуации, когда деятельность греко-католического духовенства в Западной Беларуси была дезорганизована, глава Греко-католической церкви Галиции митрополит Андрей Шептицкий 9 октября 1939 г. тайно создал униатский Белорусский экзархат. Поясним, что экзархат – это церковная административно-территориальная единица, возглавляемая экзархом. Создание отдельного Белорусского экзархата означало повышение и, одновременно, урегулирование статуса униатских приходов на территории Беларуси. По сути, с этого момента можно вести речь о существовании Белорусской греко-католической церкви. Юридическим основанием для данного решения стал тот факт, что ещё в начале XX в. Папа Римский Пий X дал митрополиту А. Шептицкому полномочия администратора всех епархий, принадлежавших некогда к Киевской митрополии и насильственно ликвидированных российскими властями в конце XVIII – нач. XIX вв. [6, с. 232]. Соответственно, его власть как администратора распространялась и на территорию Беларуси. Создание митрополитом Белорусского экзархата было одобрено Ватиканом.

Временным главой экзархата стал епископ Николай Чарнецкий, но уже примерно через год, 17 сентября 1940 г. экзархом был назначен А. Неманцевич [7]. Разумеется, что в условиях советского атеистического режима о легализации данной структуры не могло быть и речи, более того, получение руководящего поста грозило А. Неманцевичу репрессиями со стороны властей. На случай своего физического устранения он назначил двух заместителей, которыми стали священники В. Оношко и Л. Горошко. Деятельность экзархата держалась втайне и сводилась к подготовке

религиозной литературы и сбору для этого необходимой информации. Однако весь собранный материал был утрачен в период немецкой оккупации [4, с. 141; 8, с. 51]. Неизвестно, знали ли о создании экзархата советские спецслужбы. В опубликованных к настоящему времени некогда секретных документах НКВД за 1939–1940 гг., содержащих обзор религиозной ситуации в Западной Беларуси, сведений о его создании нет, упоминается лишь о том, что А. Шептицкий и А. Неманцевич ведут «организационную работу» среди униатов. Следует отметить, что самого А. Неманцевича НКВД довольно высоко оценивало как человека «смелого, обходительного и ловкого», который «много работает – проповедует, обслуживает несколько приходов» [3, с. 209].

В условиях немецкого оккупационного режима на территории Беларуси А. Неманцевич предпринял попытку легализовать деятельность экзархата. Он обратился с соответствующей инициативой к оккупационным властям, но их согласие получил лишь в марте 1942 г. [8, с. 52]. Это обстоятельство можно расценивать как свидетельство незаинтересованности немцев в дальнейшем укреплении Униатской церкви в Беларуси, осторожном отношении к ней.

Центром Экзархата в период оккупации являлся монастырь в Альбертине, а официальным языком делопроизводства и проповедей – белорусский язык. 5 апреля 1942 г., на Пасху А. Неманцевич как экзарх обратился с пастырским посланием к белорусскому народу. Тем самым о существовании экзархата стало известно, эту новость приветствовали представители белорусского национального движения как на оккупированной территории, так и в эмиграции. Отметим, что А. Неманцевич контактировал с белорусскими организациями в Слониме.

Одним из главных вопросов, который предстояло решить А. Неманцевичу, был вопрос о юрисдикции униатских приходов. Ранее, в межвоенный период, греко-католические приходы Западной Беларуси подчинялись римско-католическим епископам. Теперь же они должны были перейти в юрисдикцию экзарха. Виленский архиепископ Р. Ялбжиковский и пинский епископ К. Букраба не возражали против этого. Сложнее была ситуация с униатскими приходами в Подляшской диоцезии, епископ которой умер ещё в 1939 г., а новый назначен не был [8, с. 52], что затрудняло урегулирование их статуса.

Помимо административных вопросов А. Неманцевич активно занимался душпапастырской работой. Ещё в начале 1942 г. он основал так называемое апостольство молитвы за Беларусь, в рамках которого священники должны были каждый месяц отправлять одну церковную службу за белорусский народ. Позднее право присоединиться к данной акции получили и светские лица, которые должны были ежемесячно принимать причастие в интенции белорусского народа. А. Неманцевич посещал лагерь советских военнопленных

в окрестностях Слонима, причём даже во время свирепствовавшей там эпидемии тифа. Надо полагать, что он пользовался определённым авторитетом и среди православных, так как помогал православному священнику из деревни Чепелево вблизи Слонима совершать обряд погребения в тех населённых пунктах, куда тот не мог доехать. Однако же со стороны высшего духовенства православной церкви деятельность А. Неманцевича вызывала недовольство (митрополит Пантелеймон Рожновский, архимандрит Морозов). Именно это обстоятельство его наместник Л. Горошко называет причиной ареста экзарха сотрудниками гестапо летом 1942 г. Согласно воспоминаниям Л. Горошко, некоторые православные иерархи, недовольные активностью А. Неманцевича, и, в частности, тем, что он намеревался преобразовать православные церкви в деревнях Сынковичи и Курашово в греко-католические, направили в СД донос, в котором утверждалось, что он является тайным польским агентом [4, с. 142–143; 8, с. 52–53]. Возможно, что его арест мог быть связан и с тем обстоятельством, что иезуиты Альбертина в период немецкой оккупации оказывали помощь евреям [9, с. 158].

На свободу А. Неманцевич уже не вышел. В ответ на запросы со стороны высокопоставленных католических иерархов, в том числе и немецких, о его дальнейшей судьбе, представители немецкой администрации уведомили, что он умер от сыпного тифа в конце 1942 или в начале 1943 гг. При этом никаких сведений о конкретной дате его смерти и месте погребения не сообщалось [8, с. 53]. Лишь в начале XXI в. были обнаружены немецкие документы, согласно которым А. Неманцевич умер 30 ноября 1942 г. в Минске и был похоронен на немецком кладбище (ныне сквер на улице К. Либкнехта). Однако уже в белорусской эмиграции ставилось под сомнение, что сыпной тиф привёл к смерти экзарха, оспаривают это утверждение и некоторые современные белорусские историки [9, с. 154–155]. Дело в том, что А. Неманцевич болел тифом ещё в детстве, и, следовательно, должен был приобрести иммунитет от данной болезни. Можно предположить, что в действительности он, как высокопоставленная церковная фигура, неудобная для немцев, был тайно убит гестапо.

После ареста А. Неманцевича попытку возглавить экзархат предпринял один из его наместников – Л. Горошко. Однако немцы категорически запретили ему поселиться в Альбертине, и до конца оккупации священник проживал в Барановичах, где преподавал белорусский язык и литературу в белорусских учебных заведениях [4, с. 143; 8, с. 53]. Фактически, после ареста А. Неманцевича деятельность экзархата оказалась парализованной.

Некоторые греко-католические приходы и верующие были физически уничтожены немцами в период оккупации. Так, в сентябре 1942 г. во время карательной операции «Болотная лихорадка» немцы сожгли все четыре деревни, принадлежавшие к униатскому приходу с центром в Бобровичах, уничтожив при этом более тысячи человек. От былой униатской церкви со-

хранился лишь напрестольный крест, найденный впоследствии на пепелище [5, с. 13]. Как пишет Л. Горошко, начиная с 1943 г. условий для проведения миссионерской работы в Беларуси уже не было. Этому препятствовали как действия партизан, так и карательные операции немцев [4, с. 143].

Накануне освобождения территории Беларуси от немецких оккупантов греко-католические священники, справедливо опасавшиеся за свою жизнь, выезжают на запад. Так, Беларусь покинул В. Оношко. В 1944 г. в Германию уехал Л. Горошко, где организовал душпастьёрское служение среди белорусов-католиков. В последующие годы он являлся одним из наиболее активных религиозных деятелей белорусской эмиграции в Европе. После освобождения Беларуси греко-католические приходы, оставшиеся без пастырей, исчезли. По воспоминаниям жителей деревни Ольпень (ныне Столинский район Брестской области), в советское время священник последний раз тайно приезжал к ним в 1948 г. Возможно, этот священник принадлежал к Греко-католической церкви Украины, ликвидированной советским правительством в 1946 г. и далее продолжавшей свою деятельность подпольно [10, с. 13]. Дальнейшее существование греко-католических приходов на территории БССР оказалось невозможным в условиях жёсткой антирелигиозной политики советских властей. Очередное возрождение Униатской церкви началось лишь на рубеже 1980–1990-х гг.

Список литературы

- 1 **Свирид, А. Н.** Униатская церковь в Западной Беларуси (1921–1939 гг.) : монография / А. Н. Свирид. – Брест : БрГУ им. А. С. Пушкина, 2012. – 218 с.
- 2 **Мараш, Я. Н.** Политика Ватикана и католической церкви в Западной Белоруссии (1918–1939) / Я. Н. Мараш. – Минск : Беларусь, 1983. – 96 с.
- 3 Довідка про діяльність католиків у західних областях України і Білорусі та в Естонії, 1 листопада 1940 року // Митрополит Андрей Шептицький у документах радянських органів державної безпеки (1939 – 1944 рр.). – Київ : Українська Видавнича Спілка, 2005. – С. 200–213.
- 4 **Гарошка, Л.** Праз навальніцы й нягоды. Успаміны з гадоў 1930–1944. Фрагменты / айцец Л. Гарошка // Беларуская мемуарыстыка на эміграцыі. – Нью-Ёрк, 1999. – С. 135–144.
- 5 **Ільіна, А.** Памяць праведніка будзе жыць вечно / А. Ільіна, І. Бараноўскі // Царква. – 2003. – № 3 (38). – С. 12–13.
- 6 **Назарко, І.** Київські і Галицькі митрополити. Біографічні нариси (1590–1960) / І. Назарко, ЧСВВ. – Рим : ОО Василяни, 1962. – 272 с.
- 7 Лист УГК Екзархів до секретаря Східної конгрегації Євгена Тіссерана про рішення розпочати унійну працю на території Радянського Союзу // Митрополит Андрей Шептицький. Церква і церковна єдність: документи і матеріали, 1899–1944. – Т. 1. – Львів: Свічадо, 1995. – С. 357.
- 8 **Гарошка, Л.** Антон Неманцэвіч / Л. Гарошка // Божым шляхам. – 1956. – № 70–75. – С. 49–54.

9 **Гаек, С.** Экзарх Антон Неманцэвіч – верны сьведка Евангелья. Колькі слоў пра ягонае духоўнае служэньне / архім. С. Гаек, дьякан Я. Усошын // *Roczniki Teologiczne*. Tom LIII-LIV, zeszyt 7. – 2006–2007. – С. 153–163.

10 **Бараноўскі, І.** Памяць праведніка будзе жыць вечно / І. Бараноўскі, А. Ілына // *Царква*. – 2003. – № 4 (39). – С. 12–14.

УДК 94(100) «1941/.45»

БЫТ И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СОЛДАТ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

А. А. ДМИТРИЕНКО

Белорусский государственный университет транспорта, г. Гомель

Само понятие быта включает довольно большой круг изучаемых вопросов. Осветить их в небольшой статье невозможно, поэтому рассмотрим влияние таких понятий, как «питание» и «досуг».

Из всех компонентов быта солдата ни один не оказывает такого влияния на его здоровье и боеспособность, как питание. Калорийная, разнообразная и регулярная пища необходима для полноценной жизни человека, на войне же роль питания возрастает вдвойне. Поэтому вопросам снабжения уделялось внимание на самом высоком уровне.

К началу Великой Отечественной войны ситуация с питанием в войсках была благополучной. По воспоминаниям ветеранов, кормили хорошо, никто не жаловался, а многие, особенно приехавшие из деревень, даже были очень довольны: «Еще понравилась еда: много и кормили каждый день по три раза. Те, кто из города, еще кривились, а мы – деревенские едим и радуемся» [1].

Затем ситуация кардинально изменилась к худшему, и по показаниям ветеранов вплоть до 1942 г. рацион солдата был достаточно скудным. Бывший ефрейтор разведки Ф. Ш. Гафуров, начавший служить в самом начале войны, вспоминает: «Сидели за деревянным столом. Никому не дали ни тарелок, ни ложек, а выдали железные тазы на десять человек. Кормили накрошенной картошкой, затем жидкость, вроде бульона, разливали в тазы по пять человек». О неналажен-

